

Наталья Долинина

ПЕЧОРИН *и наше время*

Наталья Григорьевна Долинина

Печорин и наше время

Серия «Великая Россия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68624618
Печорин и наше время: ГРИФ; СПб.; 2021
ISBN 978-5-85388-123-5

Аннотация

Книга Натальи Долининой посвящена роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Вместе с читателем она размышляет над противоречивым, сложным и обаятельным характером Печорина, над трагичной судьбой, которая была уготована ему и его поколению. Горькой и одинокой неизбежно становится жизнь человека, даже сильного и яркого, если он лишён радости дружбы и любви, если он не способен на верность, если мужество его растрачивается попусту, если он не видит в своей жизни ни высокой цели, ни смысла...

Книги писателя, филолога и литературоведа Н. Г. Долининой «Прочитаем “Онегина” вместе», «По страницам “Войны и мира”», «Предисловие к Достоевскому» давно стали классикой «школьного литературоведения» и неоднократно переиздавались. Кроме анализа литературных произведений, в них затрагиваются темы духовности и нравственности, взросления и выбора жизненных ценностей.

Для читателей среднего и старшего школьного возраста, их родителей и преподавателей, а также для самого широкого круга читателей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1. Лермонтов о Лермонтове	6
Глава 2. «Бэла»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Наталья Григорьевна
Долинина
Печорин и наше время**

© Н. Г. Долинина, наследники текст, 2021

© С. В. Алексеев, оформление, 2021

© ООО «ГРИФ», макет, 2021

Глава 1. Лермонтов о Лермонтове

*На буйном пиришестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел.*

*И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей
Его слова пророчески звучали.*

Что такое для нас Лермонтов? Как объяснить то ощущение грусти, и нежности, и тоски, и гордости, которое охватывает, едва открываешь томик его стихов, едва бросаешь взгляд на странное молодое лицо с печальными глазами; некрасивое и прекрасное лицо обречённого на долгие страдания и на короткую жизнь человека?

Почему именно Лермонтов? Не Тютчев, не Блок – поэты столь же громадного таланта, а именно Лермонтов стал непреходящей печалью и тайной любовью чуть ли не каждого молодого человека, и вот уже почти полтора столетия его стихи, его проза, его судьба воспринимаются миллионами людей как очень личное переживание, и каждый в свой час открывает Лермонтова для себя одного, ревниво бережёт его глубоко в душе.

В уме своём я создал мир иной
И образов иных существованьё;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...

(«Русская мелодия». 1829 г.)

Пятнадцатилетний читатель откликается всей душой: «Да, и я создал, и у меня так же, но я не умею сказать об этом, – ОН сказал за меня». У взрослого сжимается сердце, и память о своих пятнадцати годах сплетается с жалостью к мальчику, который в пятнадцать лет мог написать такое и страдать, и погибнуть в двадцать семь!

Грустный, печальный, отчаявшийся Лермонтов – почему он так нужен всем, и людям весёлым, жизнерадостным – тоже?

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.

(«К». 1832 г.)*

В молодости хочется быть гордым и одиноким, страдать, отвергать, быть отвергнутым – в молодости человеку так хочется жить, что и горести кажутся ему привлекательными; самое страшное для молодого человека – прожить жизнь пу-

сто, без бурь душевных, без страстей.

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?

(«Я жить хочу! хочу печали...». 1832 г.)

В молодом отчаянии Лермонтова я вижу такое бурное жизнеутверждение, какого не найдёшь в целых томах по видимости оптимистических стихов. Может быть, это жизнеутверждающее отчаяние и привлекает к нему молодых людей? «А он, мятежный, просит бури...»

Становишься старше – и привлекает уже не молодая мятежность Лермонтова, а непонятная, тревожащая, необъяснимая зрелость его мысли, точность зрения:

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка...
...Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе...

(«Когда волнуется желтеющая нива...». 1837 г.)

Было бы неудивительно – прочесть такие стихи у зрелого

поэта, немолодого, много пережившего человека. Лермонтов написал их в двадцать три года.

Юрий Николаевич Тынянов писал о Блоке: «...во всей России *знают* Блока как человека... Откуда это знание?.. Здесь может быть ключ к поэзии Блока... Блок – самая большая лирическая тема Блока» (курсив Тынянова. – *Н. Д.*).

Эти слова можно сказать и о Лермонтове. Он сам, Михаил Юрьевич Лермонтов, – лирический герой почти всех своих стихов; мы все знаем его как человека – с его одиночеством, бурной тоской, предчувствием ранней своей гибели и всегда со страстной энергией, отчаянной жадой деятельности, счастья:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

(«Желанье». 1832 г.)

Это стихотворение явно перекликается с написанным в том же году «Парусом». Но почему «жизнь и воля» представляются поэту «чуждой долей»? Почему парус «просит

бури»?

Герцен – почти ровесник Лермонтова – называл своё поколение «отравленным с детства». Чтобы правильно понять эти слова, нужно сначала ответить на вопрос: много это или мало – пятнадцать лет?

Для подростка, юноши – очень много, целая жизнь. Для взрослого человека – часть жизни. Для истории – короткий отрезок эпохи. В с е г о на пятнадцать лет раньше Лермонтова родился Пушкин. Н а ц е л ы х пятнадцать лет он старше.

Извечный спор: кто лучше – Пушкин или Лермонтов – неразрешим, потому что два великих поэта не просто разные характеры, разные личности: они – *герои разного времени*.

Мы умеем это правильно объяснить: Пушкин жил и формировался в эпоху расцвета декабризма, а Лермонтов отразил в своём творчестве эпоху последекабрьского безвременья. Но мы далеко не всегда представляем себе, что это значит – безвременье.

В 1814 году, когда Лермонтов родился, а Пушкину было пятнадцать лет, Россия ещё остро помнила горечь бед и потерь Отечественной войны, но уже гордилась победой над Наполеоном. Эта победа укрепила веру лучших людей России в силы своего народа, заставила задуматься над его судьбой, вступить в борьбу за его освобождение. Лицеист Пушкин рос в атмосфере страстных споров о будущем России – юноши его поколения верили, что это будущее зависит от них, от их ума, таланта, деятельности. Они готовили себя к

этой деятельности: один хотел быть полководцем, другой – учёным, третий – создателем новых законов. И все они вместе мечтали ввести в России новое, более справедливое законодательство, спорили о республике, о конституции...

В 1829 году, когда Лермонтову было пятнадцать лет, а Пушкину тридцать, надежды на конституцию, республику, освобождение народа рухнули. Николай I твёрдо запомнил уроки 14 декабря 1825 года. Он не только отправил декабристов на виселицу и каторгу, он принял все меры к тому, чтобы их дело не возродилось. Ровесники Лермонтова не могли мечтать о деятельности, потому что деятельность в эпоху Николая I сводилась к повиновению. Полководцы нужны были для подавления народа, судьи – для свершения суда несправедливого, поэты – для прославления царя. Атмосфера мысли, споров, надежд сменилась атмосферой подозрительности, страха, безнадёжности.

Поколение Лермонтова, конечно, не смирилось: юноши этого поколения тайно читали вольнолюбивые стихи, бунтовали против университетских профессоров, занимавшихся не наукой, а слежкой за студентами. Но поколение Лермонтова уже не могло идти дорогой декабристов, ошибки которых стали очевидны после их разгрома. Нового же пути это поколение ещё не выработало.

«Все мы были слишком юны, чтобы принять участие в 14 декабря, – писал Герцен. – Разбуженные этим великим днём, мы увидели лишь казни и изгнания. Вынужденные молчать,

сдерживая слёзы, мы научились, замыкаясь в себе, вынашивать свои мысли и какие мысли!.. – то были сомнения, отрицания, мысли, полные ярости. Свыкшись с этими чувствами, Лермонтов не мог найти спасения в лиризме, как находил его Пушкин. Он влачил тяжелый груз скептицизма через все свои мечты и наслаждения».

Когда Лермонтова уже не было в живых, Герцен и его друзья продолжили дело декабристов. Но в 30-е годы честному, умному, активному человеку некуда было приложить свои силы: всякая попытка действовать и мыслить самостоятельно пресекалась: Николаю I нужны были послушные чиновники, а не мыслящие люди. Жизнь должна была идти тихо. Без бурь. В этой давящей тишине в литературу вошёл Лермонтов.

В тринадцать – четырнадцать лет он уже ощутил обречённость своего поколения на бездействие. Всё складывалось трагически: мать умерла так рано, что он её почти не помнил; отец и бабушка ссорились. Угрюмый, замкнутый мальчик научился сторониться людей – он ни от кого не ждал добра.

Пушкину было и в эти годы о чём вспоминать, у него были друзья – настоящие. И в тяжкие, мучительные последние годы своей жизни затравленный, бесконечно одинокий, раньше времени постаревший и помрачневший человек, в творчестве он сохранил веру и свет своей юности.

В юности Лермонтова не было света и веры. Он вырос в

душевной пустыне, и жил в ней, и сам себя на неё обрекал, и не мог из неё выбраться. Среди отчаянной пустоты той жизни, которой он жил, оставалось одно: сохранить то, что старался уничтожить в своих подданных Николай I, – свободу мысли и духа. Сохранить интерес к людям. Пытаться понять их души, их трагедию.

Это он и делал всю свою жизнь. Пятнадцатилетним мальчиком он написал «Монолог»:

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?

Эти строки можно поставить эпитафией ко всему творчеству Лермонтова. Среди его ранних стихов немало наивных, несовершенных, просто слабых, но во всём, что он писал в юности, уже видна его личность; виден рано сформировавшийся и рано отчаявшийся человек.

Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветём недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Её однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...

Лучшие люди поколения Лермонтова действительно «цвели недолго». Погиб от чахотки отданный в солдаты поэт Полежаев, рано умерли Белинский, Станкевич, Грановский, и сам Лермонтов не дожил до двадцати восьми лет.

«После декабристов, – пишет Герцен, – все попытки основывать общества не удавались действительно; бедность сил, неясность целей указывали на необходимость другой работы – предварительной, внутренней».

Эту «предварительную, внутреннюю работу» выполнял Лермонтов. В его стихах поколение осознавало и начинало понимать свою трагедию:

Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд её мрачит.
И нам горька остылой жизни чаша,
И уж ничто души не веселит.

Так кончается стихотворение «Монолог», написанное пятнадцатилетним мальчиком. Это не обычный юношеский пессимизм; Лермонтов ещё не умел объяснить, но уже заметил и понял, что человек не может быть счастлив, лишённый возможности действовать. Через десять лет после «Молога» он напишет роман «Герой нашего времени», где объяснит психологию своего поколения и покажет безысходность, на которую обречены его сверстники.

С тех пор как пятнадцатилетний мальчик признался: «В

уме своём я создал мир иной» – до выстрела Мартынова прошло всего двенадцать лет. В них уместилась вся литературная жизнь Лермонтова. Сотни стихов, поэмы, драмы, повести, роман – всё написано за эти двенадцать лет. И всюду – в стихах, в драматургии, в прозе – перед нами сам автор.

Когда начинаешь читать подряд сочинения Лермонтова, обнаруживаешь, что он часто повторял, переносил из одного стихотворения в другое целые строфы, даже страницы. Например, «Желанье», о котором мы уже говорили: «Отворите мне темницу» – написано в 1832 году, а в 1837-м – «Узник», с тем же началом. В поэме «Измаил-Бей» есть две песни: одна из них, иначе обработанная, позже войдёт в «Бэлу», другая почти дословно повторится в поэме «Беглец». Арсений из поэмы «Боярин Орша» почти полностью произносит будущую исповедь Мцыри:

Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл! – благодарю.
Не понимаю, что была
У вас за мысль? – мои дела
И без меня ты должен знать,
А душу можно ль рассказать?..

Эти повторения смущают нас: как же так? Зачем он переписывал сам себя?

Он не переписывал. Он готовился. Многие его стихи, и целые поэмы, и целые пьесы – это как бы наброски, может

быть, даже черновики его будущих произведений. Некоторые из них он успел написать: поэмы «Демон», «Мцыри», роман «Герой нашего времени». Но многие его книги не написаны и не будут прочитаны нами никогда.

Почти всегда он писал о *себе* – и в то же время всегда готовился написать не о себе. О человеке своего поколения. О герое своего времени. И, может быть, вся его поэзия – подготовка к непостижимому подъёму на вершину его прозы.

Опыты драматургии, первые прозаические произведения – это тоже подготовка, тоже наброски, эскизы, подход к будущему герою романа.

Юношеские пьесы Лермонтова автобиографичны. В 1830 и 1831 годах он написал две драмы: «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти») и «Странный человек». В основе обеих пьес – семейная трагедия, сходная с трагедией Лермонтова, и обманутая любовь, сходная с его любовью к Наталье Федоровне Ивановой. Герои обеих пьес – Юрий Волин и Владимир Арбенин – напоминают самого Лермонтова.

Фамилию Арбенин носит и герой драмы «Маскарад», написанной в 1835 году. Это гордый, одинокий, отчаявшийся человек, похожий на лирического героя лермонтовских стихов, на Демона. Последнюю свою надежду он видит в любви, но и эта надежда рушится. Может быть, и «Маскарад» – подготовка к тому портрету своего поколения, который Лермонтов готовился написать.

В 1836 году он пишет пьесу «Два брата», в основе которой

снова лежит семейная трагедия, сходная с трагедией Лермонтова. Один из братьев, Юрий Радин, – чистый человек, обманутый клеветой и злобой, – напоминает героев юношеских пьес Лермонтова. Второй же брат, Александр Радин, говорит о себе: «Да!.. такова была моя участь со дня рождения... все читали на моём лице какие-то признаки дурных свойств, которых не было... но их предполагали – и они родились...»

Узнаёте ли вы этот монолог, почти дословно перенесённый позднее в дневник Печорина? Александр Радин – демон зла, он обманывает отца, брата; он властен и подчиняет себе слабую Веру, которую любит брат... И он же – несчастлив, одинок, он страдает от своей озлобленности, от своего одиночества. Это – эскиз к будущему характеру Печорина. Недаром и женщину, которую он любит, зовут Вера Лиговская.

Это имя перейдёт в неоконченный роман «Княгиня Лиговская», где впервые появится Григорий Александрович Печорин. Он молод, блестящ, он живёт в Петербурге, у него бальный роман со светской девушкой Лизой Негуровой, любви которой он добивается, хотя не любит её и не собирается на ней жениться, – как Печорин «Героя нашего времени» добивается любви княжны Мери. И вторая (а вернее сказать, первая, главная) любовная линия романа здесь уже есть: Печорин встречает Веру, которую любил в ранней молодости и которая теперь замужем за князем Лиговским.

Здесь есть и маленький, незнатный человек, чиновник Красинский, которого оскорбляет Печорин. Но роман остался неоконченным, история Красинского недописанной. Почему?

Потому что настала пора перейти к «Герою нашего времени». Эта тоненькая книжка вобрала в себя всё: весь человеческий и литературный опыт автора. В Печорине – страдания Юрия Волина и Владимира Арбенина, в нём одиночество, и опыт, и зрелость, и безумные надежды Евгения Арбенина из «Маскарада», в нём раздвоенность Александра Радина, и силы необъятные Мцыри, Демона; как «парус одинокий», он «ищет бури» – в нём всё.

Откроем книгу. Ей предпослано предисловие. Прочтём его. «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики».

Предисловие коротко: полторы небольших странички. Четыре абзаца. Первый – о публике, которая «так ещё молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце её не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана».

Зачем Лермонтову понадобилось обвинять читателя, только что открывающего книгу, в дурном воспитании? Предисловие было написано после того, как вышло в свет первое издание романа. Лермонтов уже знал: «Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравствен-

ного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых...»

То же обвинение знал и Пушкин:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет...

Реакционный критик С. О. Бурачок, редактор журнала «Маяк», возмущённо писал, что образ Печорина является клеветой на русскую действительность и русских людей, что «весь роман эпиграмма», что в нём «религиозности, русской народности и следов нет». Бурачок был как раз из тех критиков, которые считали, что автор «нарисовал свой портрет». Это ему отвечает Лермонтов во втором абзаце предисловия: «...видно, Русь так уж сотворена, что в ней всё обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрёка в покушении на оскорбление личности!»

Третий абзац, может быть, самый важный в предисловии – в нём сформулирована *цель* Лермонтова, *задача*, которую

он ставил перед собой: «Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

Как понимать эти слова? Разве портрет *героя* может быть составлен из *пороков*? Не было ли справедливым возмущение «некоторых читателей и даже журналов», когда они «ужасно обиделись... что им ставят в пример такого безнравственного человека»?

Дело в том, что слово «герой» можно понимать по-разному. В толковом словаре русского языка приводятся шесть его значений. Два из них – наиболее употребительны. Герой – это «исключительный по смелости или по своим доблестям человек». И герой – это «главное действующее лицо литературного произведения». Эти два значения всем известны, никто их обычно не смешивает и не путает, например, героя Отечественной войны 1812 года Волконского с героем романа Толстого «Война и мир» Болконским. Но есть ещё одно значение слова «герой», о котором часто забывают: «человек, по своему характеру и поступкам являющийся выразителем какой-нибудь среды или эпохи».

Вот этого, третьего, значения и не вспомнили – или не захотели вспомнить – критики, обрушившие на роман Лермонтова упрёки в безнравственности его героя. Они подумали – или сделали вид, что подумали, – будто Лермонтов считает Печорина героем в первом значении этого слова и при-

зывает подражать ему. На самом же деле слово «герой» применимо к Печорину во втором его значении (главное действующее лицо романа) и – непременно – в третьем: он выражает свою среду и эпоху.

Итак, цель Лермонтова – создать «портрет, составленный из пороков всего... поколения». В четвёртом, последнем абзаце предисловия он объясняет, как намерен создавать портрет Героя: «Довольно людей кормили сластями: у них от этого испортился желудок: нужны *горькие* лекарства, *едкие* истины». Может быть, самое важное слово здесь то, которое я не выделила: *истины*. Задача, поставленная Лермонтовым, была бы невыполнима, если бы он не решился, наперекор пожеланиям многих критиков, которым хотелось бы видеть в книге более привлекательного героя, писать прежде всего истину, потому что только истина создаёт *великую* литературу.

Последние строки предисловия насмешливы. «Но не думайте однако после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества!...»

Всё дело в том, что недостатки каждого отдельного человека могут быть присущи только ему – тогда можно пытаться их исправить. Но когда недостатки или пороки свойственны целому поколению – вина ложится не на отдельных людей, а на общество, породившее эти пороки. Исправлять надо было русскую действительность эпохи Лермонтова – об этом он

не мог сказать открыто. Вот почему предисловие кончается полугорько, полушутливо: «Будет и того, что болезнь указана, а как её излечить – это уж бог знает!»

В чём Лермонтов увидел болезнь своего поколения, мы узнаем, когда откроем его роман.

Глава 2. «Бэла»

*Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий
недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как помотришь с холодным
вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...*

«Я ехал на перекладных из Тифлиса». Я ехал на перекладных из Тифлиса. Я ехал...

Не могу объяснить, почему эти шесть слов кажутся мне необыкновенными. Ведь так коротко, так просто: я – ехал – на перекладных – из Тифлиса...

Много раз над этим предложением вздыхали и страдали мои ученики. Простое, полное, личное, распространённое, повествовательное. Я – подлежащее. Ехал – сказуемое. На чём ехал? На перекладных. Косвенное дополнение. Откуда ехал? Из Тифлиса. Обстоятельство места. Что значит: перекладные? Казённые лошади, которые менялись на каждой станции.

Всё просто, всё понятно. И всё абсолютно непонятно, потому что с первых строк «Бэлы» оказываешься во власти простых слов, собранных воедино и выстроенных большим писателем. Каждое слово в отдельности знакомо и обычно.

Все вместе – неповторимы. Как у Пушкина: «Роняет лес багряный свой убор». Как у Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга...» Как у Лермонтова: «Я ехал на перекладных из Тифлиса».

А на самом-то деле в этой фразе нет ничего необыкновенного. Просто мы знаем, что за ней последует одна из лучших на свете книг. Открывая эту книгу, мы ждём удивительного, необычайного – и находим его.

«Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую Долину...» Прежде всего нам нужно понять, кто этот «я», который ехал из Тифлиса. Может быть, сам автор? Нам ведь известно, что Лермонтов бывал на Кавказе. И сразу, с первых строк, мы узнали, что чемодан путешественника «до половины был набит путевыми записками». Но есть книги, написанные от лица героя. Может быть, он и ехал. Герой. Нашего (то есть лермонтовского, конечно) времени.

«Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую Гору, и во всё горло распевал песни. Славное место эта долина!»

И вдруг прозрачная простота первых фраз сменяется сложными поэтическими образами, длинными словами, длинными грамматическими периодами: «Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зелёным плющом и увенчанные купами чинар, жёлтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая ба-

хрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из чёрного, полного мглою ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своею чешуею».

Сложность – и в то же время простота. Длинное предложение с причастными оборотами, нагромождение цветов: красноватые скалы, зелёный плющ, жёлтые обрывы, золотая бахрама снегов, чёрное ущелье, серебряная нить реки...

Золотая бахрама снегов? Речка сверкает, как змея своею чешуёю?... Так видит художник – и так помогает видеть нам, обычным людям, не наделённым его особой зоркостью, – художник и поэт – Лермонтов.

Но после этой длинной фразы тон повествования снова меняется, возвращается доступность, даже обыденность языка: «Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица...»

Условимся называть того, кто рассказывает, Автором, чтобы не запутаться. Позже мы вернёмся к вопросу, кто он – герой лермонтовского времени, сам Лермонтов или третье лицо. Пока мы знаем только, что он едет из Тифлиса с лёгкой поклажей, наполовину состоящей из путевых записок; но его лёгкую тележку с трудом тащат шесть быков, подгоняемых несколькими осетинами.

«За моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху

накладена».

Хозяин второй тележки описан подробно. Так и видишь его – в офицерском сюртуке без эполет и черкесской мохнатой шапке, с маленькой кабардинской трубочкой, обделанной в серебро. «Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твёрдой походке и бодрому виду».

Почему пожилой опытный офицер носит не по форме мохнатую *черкесскую* шапку, да еще курит *кабардинскую* трубку? Видимо, он так давно на Кавказе, что служба потеряла для него всякий оттенок романтики, стала бытом, привычкой. Трубка и шапка выбраны поудобнее – только и всего, да ещё, может быть, подешевле, да к тому же местного производства – те, что легче и быстрее можно купить здесь, на Кавказе.

И лицо офицера говорит о том же: о давнем знакомстве с южным солнцем; о нелёгкой жизни – «преждевременно поседевшие усы», а твёрдая походка и бодрый вид – может быть, о силе характера?

Офицер кажется неразговорчивым. «Он молча отвечал... на поклон» и «молча, опять поклонился». Первый его ответ на вопрос попутчика, не едет ли он в Ставрополь, по-военному лаконичен: «Так-с точно... с казёнными вещами».

Тяжёлая поклажа – не его личные вещи, казённые. Может, своего и не накопилось за длинные годы службы.

Но вот начинается первый разговор, и пожилой офицер слегка приоткрывается перед нами. Он дважды улыбается недоумению своего попутчика, заметившего, как легко тащат четыре быка тяжёлую тележку, тогда как пустую «шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин».

«...Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат?.. Ужасные плуты!.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников!.. Уж я их знаю, меня не проведут».

Пушкин в «Путешествии в Арзрум» так описал трудный подъём тележки в гору: «...услышали мы шум и крики и увидели зрелище необыкновенное: 18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, на силу тащили лёгкую венскую коляску приятеля моего О». Пушкин увидел тощих волов, полунагих осетинцев – не мошенничество, а бедственное положение народа.

Пожилой офицер, всю жизнь прослуживший на Кавказе, не доверяет людям, среди которых живёт. В понятие «азиаты» он включает несколько народов; все они, по мнению пожилого офицера, «мошенники», «плуты»...

А ведь вполне возможно, что осетины действительно плутовали: им нужны были деньги; русский офицер был недавним врагом; обмануть его они не считали за грех. Обе стороны по-своему правы, не доверяя друг другу, и обе стороны по-своему неправы, потому что не хотят друг друга понять. Так в одном коротком разговоре раскрывается обстановка,

сложившаяся в то время на Кавказе.

Пожилой офицер немногословен. Коротко, почти вскользь, но *приосанившись*, сообщает он о главном, может быть, в своей жизни: «Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче... Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком... и при нём получил два чина за дела против горцев».

Алексей Петрович – это генерал Ермолов, тот самый, который предупредил Грибоедова о возможном аресте по делу декабристов – и Грибоедов успел сжечь компрометирующие его бумаги. Тот самый Ермолов, который был отстранён от дел за близость к декабристам, которого в 1829 году посетил в Калуге Пушкин – и описал эту встречу в «Путешествии в Арзрум». Ермолов, воспетый Лермонтовым в «Споре»:

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки...
...И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведёт, грозя очами,
Генерал седой.

Ермолов был назначен главнокомандующим на Кавказ в 1815 году. Блестящий организатор, талантливый полководец, любимец молодёжи, он достиг многих успехов в своём деле, но после 1825 года говорить о нём стало небезопасно:

Николай I знал, что Ермолов настроен оппозиционно, и не забыл этого. То, что Лермонтов упоминает опального Ермолова на первых же страницах своей книги, читатели-современники воспринимали как выпад против правительства. Да ещё устами бывалого офицера, не по фамилии, а по имени и отчеству, как называют только любимых начальников!

Для читателя-современника было важно и другое: человек, получивший два чина при Ермолове, – храбр. Ермолов не был скор на награды. Однако с тех пор пожилой офицер не продвинулся по службе, не получил наградений и чинов: он сухо отвечает на вопрос Автора: «А теперь вы?..» – «Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне...» Автор понял, что это значит, и стал называть его штабс-капитаном: до Ермолова он был подпоручиком, следующие два чина: поручик и штабс-капитан. В этом чине он и остался.

Так, не зная ещё имени штабс-капитана, читатель уже знает, что чем-то он был неугоден начальству. Может быть, тем, что не умел выслуживаться?

Путешественники поднялись наконец на гору. «Солнце закатилось, и ночь последовала за днём без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге...»

Современник Лермонтова Шевырев писал, сравнивая прозу Лермонтова с прозой модного тогда роман ти ка Марлинского: «Пылкому воображению Марлинского казалось мало только что покорно наблюдать эту великолепную природу и передавать её верным и метким словом. Ему хоте-

лось насилловать образы и язык... Поэтому с особенным удовольствием можем мы заметить в похвалу нового кавказского живописца, что он... покори́л трезвую кисть свою картинам природы и описывал их без всякого преувеличения...»

Вот отрывок из повести Марлинского «Аммалат-Бек»: «Дагестанская природа прелестна в мае месяце. Миллионы роз обливают утёсы румянцем своим, подобно заре; воздух струится их ароматом, соловьи не умолкают в зелёных сумерках роши.

Миндальные деревья, точно куполы пагод, стоят в серебре цветов своих... Широкоплечие дубы, словно старые ратники, стоят на часах там, инде, между тем как тополи и чинары, собравшись купами и окруженные кустарниками, как детьми, кажется, готовы откочевать в гору, убегая от летних жаров».

Ещё один отрывок – из книги «Мулла-Нур»: «Громады скучивались над громадами, точно кристаллы аметиста, видимые сквозь микроскоп, увеличивающий до ста невероятных. Там и сям, на гранях скал, проседали цветные мхи, или из трещин протягивало руку чахлое деревцо, будто узник из оконца тюрьмы... Изредка слышалась тихая жалоба какого-нибудь ключа, падение слезы его на бесчувственный камень...»

Открыв томик Марлинского, прежде всего, испытываешь удивление. Ведь он современник Пушкина и Лермонтова, почему же язык его повестей кажется сегодня безнадежно

устаревшим? «Откочевать в гору», «от летних жаров», «инде», «до ста невероятий» – всё это режет слух сегодняшнего читателя. Но и манера повествования, стиль Марлинского представляются нам старомодными: нагромождение сравнений, назойливо красивые эпитеты; всё это сегодня – признак безвкусицы.

А ведь современники зачитывались его книгами! Но время вынесло свой приговор: в произведениях Пушкина и Лермонтова была та правда жизни, та глубина мысли, те нравственные вопросы, которые делают их современными и сегодня. Книги Марлинского со всей их пышностью оказались неглубокими, поверхностными и потому безнадёжно устарели; то, что казалось красотой, обернулось ложной красотой; изысканность – пошлостью; необыкновенность сюжета – просто скукой.

С невольным облегчением возвращаешься от Марлинского к Лермонтову: «Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас тёмно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, ещё сохранявшем последний отблеск зари».

Первый пейзаж в «Бэле» был яркий, цветной, победный – с золотой бахромой снегов и серебряной речкой. Второй грустен, даже трагичен: чёрное ущелье, тёмные горы, бледный небосклон. «По обеим сторонам дороги торчали голые, чёрные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился...»

Пейзажи у Лермонтова могут быть разными, но одно в них общее: точность. То, что описывает Марлинский, невозможно увидеть; трудно представить себе, например, как розы «обливают утёсы румянцем» или слеза «какого-нибудь ключа» падает «на бесчувственный камень». Пейзаж, описанный Лермонтовым, видишь и представляешь себе совершенно точно: и глубокое ущелье, и горы, «изрытые морщинами», и «голые, чёрные камни», и тучу на вершине Гуд-Горы: она была «такая чёрная, что на тёмном небе... казалась пятном».

Путешественникам пришлось расположиться на ночлег в дымной сакле. «Ощупью вошёл я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал, куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака... Посередине трещал огонёк, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно веером из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях».

«Жалкие люди!» – говорит Автор.

«Преглупый народ!» – откликается штабс-капитан.

«Жалкие люди» – конечно, значит здесь: бедные, несчастные. Автор видит то же самое, что штабс-капитан: закопчённые столбы, дым, нищету, лохмотья. Но он понимает: нищета – не вина, а беда «жалких людей», не они виноваты в своём жалком состоянии.

Штабс-капитан привык, не задумываясь, осуждать горцев. Мы еще много раз увидим: в каждом кавказском народе он находит недостатки. Осетины плохи тем, что у них «и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь»; чеченцы и кабардинцы – «разбойники, голыши», «дьяволы», «мошенники»... Но в то же время штабс-капитан не может скрыть невольного восхищения храбростью этих народов: «хотя разбойники... зато отчаянные башки...», «чуть зазевался, того и гляди – либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..»

Автору любопытно порасспросить штабс-капитана, даже «вытянуть из него какую-нибудь историйку». Но штабс-капитан не оправдывает его надежд: он «начал щипать левый ус, повесил голову и призадумался». Тогда Автор пытается хотя бы при помощи рома разговорить своего собеседника – и снова терпит крах: штабс-капитан не пьет, ещё при Ермолове «дал себе заклятье» не пить.

Мы прочли пять среднего размера страничек. Вся повесть «Бэла» занимает тридцать пять таких страниц. Уже седьмая часть повести прочитана, а читатель, в сущности, ещё не знаком с героями. Повесть называется «Бэла». Кто она? Как зовут офицеров, встретившихся на горной дороге? Кто из них герой своего времени?

Но вот штабс-капитан, набив свою трубочку, принимается рассказывать. Медленное шествие быков, неторопливый подъём на гору, тягостное сиденье в дымной сакле – всё оста-

ется позади. События начинают разворачиваться с быстрой непостижимою: с первых же слов о молодом человеке лет двадцати пяти внимание читателя устремляется ему навстречу – читатель уже чувствует, знает: вот появился ГЕРОЙ, хотя Автор этого не объявляет и не подчёркивает.

Итак, вступительная часть, экспозиция, закончилась. Начинается завязка.

«...Я тогда стоял в крепости за Тереком с ротой – этому скоро пять лет», – рассказывает штабс-капитан. – «Раз, осенью, пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький...»

Каждое слово здесь весомо. Пять лет назад герою было двадцать пять лет. Теперь ему, значит, тридцать. Ему велено остаться в крепости. КЕМ велено? Почему велено? Или, вернее, ЗА ЧТО велено? Догадываемся об ответе на первый вопрос: велено начальством. Но – за что? Этого мы ещё не знаем.

Почему герой явился «в полной форме»? Романтика первых офицерских дней? Или – гордость человека, наказанного переводом в крепость за какой-то проступок? И уж совсем непонятны эпитеты, которыми награждает его штабс-капитан: тоненький, беленький... Позднее мы догадаемся: эти слова характеризуют скорее говорящего, чем ГЕРОЯ, –

добрый старик полюбил молодого офицера, любит и сейчас, отсюда эти ласковые (а не пренебрежительные, как могло быть по отношению к кому-то другому) слова.

То, о чём штабс-капитан рассказывает дальше, вызывает симпатию к нему самому и интерес к человеку, о котором он рассказывает, к ГЕРОЮ: «Я взял его за руку и сказал: „Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно, ну да мы с вами будем жить по-приятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и пожалуйста – к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке“. Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости».

Только здесь, через несколько часов, проведённых вместе, Автор узнает имя штабс-капитана: Максим Максимыч. ГЕРОЮ понадобилось для этого несколько секунд. Автора Максим Максимыч встретил сухо, был замкнут, немногословен. ГЕРОЮ он открылся сразу, доброжелательно, приветливо: дважды повторенное «очень рад», дважды повторенное «пожалуйста», «зовите меня просто», «приходите ко мне просто», «будем жить по-приятельски»... Что же случилось со штабс-капитаном за эти пять лет? Черств вел он душой? Кто повинен в этом? Или жизненный опыт подсказал ему, что с Автором не обязательно становиться на дружескую ногу, а ГЕРОЙ нуждается в душевном тепле и поддержке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.